

Морозко.

Жиль-быль старикъ со старухой, а у нихъ было три дочери.

Старшая-то дочь доводилась старухѣ падчерицей. Дѣло извѣстное: падчерицѣ при мачихѣ что за житье? Съ утра до вечера старуха ее поѣдомъ ѣсть: «Экая лѣнивица, экая не-ряха! И вѣникъ-то не у мѣста, и ухватъ не такъ поставленъ, и въ избѣ-то сорно.» А Мароуша всѣмъ взяла: собой пригожа, работница, скромница: до свѣту поднимется, дровъ и воды принесетъ, печку истопитъ, полъ подмететъ, скотинѣ корму задастъ. Всячески старалась Мароуша угодить мачихѣ, всѣ попреки молча сносила; только, бывало, и отведетъ душу, что сядетъ въ уголокъ да поплачетъ. Глядя на мать, и сестры частенько ее до слезъ обижали. Сами онѣ поздно просыпались, приготовленной водицей умывались, чистымъ полотен-

цемъ утирались, а за работу садились, когда пообѣдаютъ. Жалко было старику старшей дочери, да не зналъ онъ, чѣмъ горю пособить: такую ужь власть жена надъ нимъ взяла.

Дочери растутъ да растутъ, — вотъ ужь и невѣстами стали. Начали старики между собой думу думать, какъ-бы получше ихъ пристроить. Отецъ всѣмъ тремъ добра желаетъ, а мать только двумъ своимъ. И надумала она про падчерицу думу худую. Разъ говоритъ она мужу: «Ну, старикъ! Марѹтку замужъ пора сдавать, а то пока еще къ ней какой женишишка навернется, — мои дочки хорошихъ жениховъ упустятъ. Все же впередъ старшую надо съ рукъ сбывать.» — «Ладно,» — говоритъ старикъ, и полѣзъ на печку. А старуха вслѣдъ ему: «Я же ей и жениха надумала. Завтра встань пораньше, запряги лошадь въ дровни и поѣзжай съ Марѹткой, а куда — тогда и скажу. А ты, Марѹтка, собери свое добро въ коробейку да одѣнься получше: поѣдешь съ отцомъ въ гости.»

Попутру Марѹша встала ранѣхонько, умылась бѣлѣхонько, Богу помолилась, отцу, матери поклонилась, собрала свое добро въ коробейку и сама нарядилась: невѣста хоть куда. Старикъ запрягъ лошадь въ дровни, подвелъ къ крыльцу и говоритъ: «Ну, я все изладилъ. А ты, Марѹша, готова?» — «Готова, батюшка.» — «А коли готовы, такъ закусите на дорогу, чѣмъ Богъ послалъ,» — говоритъ мачиха. Дивится старикъ: «Съ чего это моя старуха вдругъ раздобрилась?» Покормила мачиха старика съ падчерицей и говоритъ: «Просватала я Марѹшу за лѣсного дѣдку Мороза: женихъ богатый, чего ей еще надо. Правда, хоть не молодъ, ну, да ничего: стерпится-слюбится.» Старикъ и ложку выронилъ, глаза вытаращилъ, смотреть на жену. «Опомнись, старуха, — говоритъ: — въ умѣ ли ты?» — «Ладно, разговаривай еще. Женихъ богатый, у него всѣ елки, сосны да березы въ серебрѣ стоятъ. И дорога къ нему, не Богъ знаетъ, какая дальняя: сперва прямо поѣзжай, потомъ направо, въ темный лѣсъ заверни, а тамъ, какъ десять верстъ проѣдешь, подъ высокой сосной Марѹтку и ссади. Да мѣсто запримѣть хорошенько, завтра молодую навѣстить тебя же пошлю. Ну, живѣй, нечего время терять!» А на дворѣ стояла зима лютая, лежали снѣга глубокие, птица на лету мерзла.

Всталъ старикъ съ лавки, положилъ дочернины пожитки на дровни, велѣлъ ей надѣть шубу—и поѣхали. Доѣхали до лѣсу, вѣхали въ глушь непроходимую и подъ высокой сосной остановились. «Слѣзай, дочушка,»—говоритъ старикъ. Слѣзла Марѹша. Старикъ снялъ съ дровней коробейку, поставилъ подъ сосной, посадилъ дочку свою и сказалъ: «Сиди, жди жениха, да принимай ласковѣе.»—Простился съ дочерью и поѣхалъ домой.

«Тепло-ль тебѣ, дѣвица? Тепло-ль тебѣ, краснѣ?»

Сидитъ Марѳуша подъ высокой сосной на коробейкѣ, сидитъ—пригорюнилась. Стало ее холодомъ, ознобомъ пробирать; вдругъ слышитъ: Морозко по лѣсу пошелкиваетъ, потрескиваетъ, съ елки на елку перескакиваетъ. Вотъ ужъ онъ и на высокой соснѣ. «Тепло-ль тебѣ, дѣвица? Тепло-ль тебѣ, красная?»—спрашиваетъ.—«Тепло, дѣдушка, тепло Морозушко,»—говоритъ Марѳуша, а у самой зубъ-на-зубъ не попадаетъ. Сталъ Морозко ниже спускаться, сильнѣе потрескивать, звонче пошелкивать и опять спрашиваетъ: «Тепло-ль тебѣ, дѣвица? Тепло-ль тебѣ, красная?»—«Ой, тепло, дѣдушка,»—а сама чуть духъ переводить. Спустился Морозко до самой земли: «Тепло-ль тебѣ, дѣвица? Тепло-ль тебѣ, красная?» А Марѳуша ужъ замерзать стала. Тутъ сжалился Морозъ, покрылъ ее шубами, отогрѣлъ одѣялами, обласкалъ, подарилъ ей сундукъ съ нарядами, шубу атласомъ крытую, серебра и камней самоцвѣтныхъ. «Разжалобила,—говоритъ,—ты меня, красная дѣвица, разжалобила своей кротостью да безотвѣтностью.»

На утро старуха поднялась раннимъ-рано, стала блины печь, чтобъ было чѣмъ падчерицу помянуть. «Ну, поѣзжай, —говоритъ мужу, —поздравь молодыхъ-то.» Старикъ запрягъ лошадь и поѣхалъ. Доѣхалъ до высокой сосны—и глазамъ не вѣрить: сидитъ Марѳуша на коробейкѣ веселая-превеселая, на ней шуба новая, въ ушахъ серьги драгоцѣнные, рядомъ ларецъ серебромъ окованный. Сложилъ старикъ все добро на возъ, сѣлъ съ дочерью—и скорѣй домой. Дома старуха блины печетъ, а шавка изъ-подъ лавки тявкаетъ: «Тявъ, тявъ! Марѳуша ѣдетъ, возъ добра везетъ.» Разсердилась старуха, швырнула въ шавку полѣномъ: «Врешь, подлая! Старикъ въ кошолкѣ Марѳуткины косточки везетъ!» Вотъ и дровни подѣхали. Вышла старуха на крыльцо—да такъ и остолбѣла: сидитъ на дровняхъ Марѳуша жива-невредима, разряжена лучше праздничнаго, а рядомъ ларецъ съ подарками дѣдки Мороза. Затаила мачиха злобу до времени, ласково съ падчерицей поздоровалась, въ избу ввела, подлѣ образами съ почетомъ посадила.

Зависть взяла двухъ старухинныхъ дочерей, какъ увидали онѣ богатые Морозкины подарки. Стали онѣ у матери просить: «Свези

насъ въ лѣсъ, къ Морозкѣ въ гости: онъ и насъ подарками одаригъ. Чѣмъ мы хуже Марѣутки?» Вотъ, рано поугру старуха дочекъ своихъ накормила, убрала, снарядила и въ путь-дорогу отпустила. Старикъ свезъ ихъ на то же мѣсто, куда Марѣушу возилъ, и оставилъ подъ высокой сосной. Сѣли дѣвицы рядышкомъ и стали ждуть, — про великія богатства Морозкины судить-рядить. Дѣвушки были въ шубахъ, а все-таки порядочно прозябли. «Что это Морозко-то запропастился? — говоритъ одна. — Вѣдь такъ мы замерзнемъ.» — «Что ты съ нимъ станешь дѣлать, — говоритъ другая, — развѣ эти женихи рано собираются? А ты какъ думаешь, кого онъ возьметъ: меня или тебя?» — «Конечно меня, не тебя же, младшую.» — «Анъ врешь.» — «А ты дура!» Слово за слово, и перебранились; стали другъ дружку отчитывать: «Ты такая, а ты эдакая.» Бранились, бранились, вдругъ слышать: Морозко по лѣсу потрескиваетъ, пощелкиваетъ, съ елки на елку перескакиваетъ. Примолкли дѣвушки. Вотъ Морозъ ужъ и на высокой соснѣ. «Тепло-ли вамъ, дѣвицы? Тепло-ли вамъ, красныя?» — спрашиваетъ. — «Ой, дѣдка, больно студено! Чуть не замерзли мы, тебя поджидаячи. Гдѣ это тебя до сей поры носило?» Сталъ Морозко ниже спускаться, сильнѣе потрескивать, звонче пощелкивать, и опять спрашиваетъ: «Тепло-ли вамъ, дѣвицы? Тепло-ли вамъ, красныя?» — «Да ну тебя, стараго дурака! Заморозилъ вовсе, да еще спрашиваетъ: тепло-ли! Полно шутки шутить. Давай подарки, а то плюнемъ и уйдемъ вовсе.» Спустился Морозъ до самой земли и опять спрашиваетъ: «Тепло-ли вамъ, дѣвицы? Тепло-ли вамъ, красныя?» Разсердились вовсе мачихины дочки, не хотятъ и отвѣчать ему. Обозлился и Морозко да такъ приударилъ, что дѣвицы, какъ сидѣли, такъ и заоченѣли. А онъ ихъ холоднымъ инеемъ присыпалъ — и пошелъ себѣ по лѣсу съ елки на елку перескакивать, съ вѣтки на вѣтку попрыгивать, потрескивать да пощелкивать.

На утро старуха говоритъ старику: «Запряги, старикъ, пошевни, положи сѣна побольше да возьми теплое одѣяло. Дочки-то, чай, продрогли: нишъ какой морозъ на дворѣ! Да проворнѣй поворачивайся!» Старикъ живо собрался и поѣхалъ. Пріѣхалъ въ лѣсъ, да такъ руками и всплеснулъ: обѣ дочки мертвыя, присло-

нясь къ соснѣ, сидятъ! Нечего дѣлать, поднятъ ихъ, положили въ пошевни и повезъ домой. Дома старуха хлопочетъ, обѣдъ готовить, чтобы получше дочекъ угостить, а шавка изъ-подъ лавки: «Тявъ, тявъ! Старикъ ѣдетъ, дочерей косточки везетъ.» Разсердилась старуха, швырнула въ шавку полѣномъ: «Врешь, подлая! Старикъ съ дочками ѣдетъ, возъ добра везетъ!» Вотъ и пошевни подѣхали. Вышла старуха на крыльцо—да такъ и остолбенѣла: лежатъ обѣ дочки мертвыя. «Что ты надѣлалъ, старый хрычъ? Уходилъ ты моихъ дѣточекъ, моихъ милыхъ дочекъ, ненаглядныхъ! Вотъ я жъ тебя кочергой попотчю!»—«Что дѣлать, старуха,—говоритъ старикъ.—Всѣ мы тутъ виноваты: онѣ, что на богатство польстились, ты, что ихъ не остерегла, а мой грѣхъ,—что раньше я тебя мало училъ; подъ старость поздно ужъ приниматься.»

Поплакала старуха, посердилась, побранилась—да послѣ съ мужемъ и помирилась. Съ тѣхъ поръ она и къ Марѳушѣ добрѣ стала, а когда къ ней женихъ-молодецъ присватался, старуха на Марѳушиной свадьбѣ со старикомъ еще камаринскую плясала.

